

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47)(470.56)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-118-129

Оригинальное исследование

Миграция однодворцев из сел в города Центрального Черноземья в XVIII веке

Кудланов К.Б.

Курское отделение Российского общества историков архивистов,
305005, Россия, г. Курск
E-mail: kudlanov777@mail.ru

Аннотация. На основе массы неопубликованных и нарративных источников автор определяет общее движение в городских конгломерациях Центрального Черноземья (далее – ЦЧ) служилых людей и их потомков в XVIII веке. В ходе исследования автор установил, что характер урбанизационных процессов у однодворцев изменился по причине преобразования городов из очагов расселения и средоточий защиты в торгово-промышленные центры. Отчего в первом периоде исследователь везде выявил рост служилых людей в городах ЦЧ, а во втором – убыль городских однодворцев на фоне общего урбанизационного прироста. Главная особенность урбанизационных процессов состояла в том, что после замирения края в городах требовались предприимчивые люди, а до него – отважные и воинственные. В целом рост товарно-денежных отношений обеспечил приток в город населения, но вместе с тем наизнанку перевернул сословную иерархию XVII века.

Ключевые слова: служилые люди, однодворцы, города, уезд, Центральное Черноземье

Для цитирования: Кудланов К.Б. 2023. Миграция однодворцев из сел в города Центрального Черноземья в XVIII веке. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 118–129. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-118-129

Migration of One-Courtyard People from Villages to Cities of the Central Chernozem Region in XVIII Century

Konstantin B. Kudlanov

Kursk Branch of the Russian Society of Historians of Archivists,
Kursk, 305005, Russia
E-mail: kudlanov777@mail.ru

Abstract. Based on the mass of unpublished and narrative sources, the author determines the general movement in the urban conglomerations of the Central Chernozem Region (hereinafter – CC) of the military service people and their descendants in the XVIII century. In the course of the study, the author found that the nature of urbanization processes among the urban one-courtyard people changed due to the transformation of cities from centers of settlement and pockets of protection into commercial and industrial centers. In the first period, the researcher everywhere revealed the growth of the military service people in the cities of the Central Chernozem region, and in the second – the decline of urban smallholders against the background of a general urbanization increase. The main feature of the urbanization processes was that after the pacification of the region, enterprising people were required in the cities, and before it – brave and warlike. In general, the growth of commodity-money relations ensured the influx of population into the city, but at the same time, it turned the estates hierarchy of the XVII century inside out.

Key words: military service people, one-courtyard people, smallholders, city, county, Central Chernozem region

For citation: Kudlanov K.B. 2023. Migration of One-Courtyard People from Villages to Cities of the Central Chernozem Region in XVIII Century. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 118–129 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-118-129

Введение

Сверхактуальный вопрос изменения численности городского населения является неотъемлемой частью демографического развития. Цель данной статьи состоит в установлении урбанизационных процессов среди однодворцев ЦЧ в XVIII веке. Часто в течение работы исследователь будет выходить за эти временные рамки и обращаться к процессам, протекавшим с начала XVII по середину XIX века. Для этого последний временной отрезок исследователь делит на два периода, отличающиеся характером миграций в город среди однодворцев ЦЧ. Во время борьбы с Крымским ханством доминировал фактор безопасности, а во второй период мирного времени – рост капиталистических отношений. Однако приток служилых людей в города для занятия промыслами и торговлей встречались и до означенного рубежа. Кстати, грань этих периодов в нач. XVIII в. для ЦЧ совпадает с общегосударственными циклами царства и империи.

Объект и методы исследования

Объектом исследования настоящей статьи является однодворческое сословие. В связи с частыми сопоставлениями процессов двух разных эпох, имеющих свою особую терминологию, во избежание путаницы установим чёткий понятийный аппарат исследования. Итак, термин однодворец для XVII в. означал служилого человека, проживавшего одним двором, т. е. без крестьян [Важинский, 1974, с. 44]. После податных реформ нач. XVIII в. этот термин приобретает новый смысл названия сословия, сформированного из значительной части служилых людей «по отечеству» и абсолютного большинства служилых «по прибору» [Мизис, 2006, с. 42]. Для бытности XVIII в. имело место и малочисленное сословие «старых служб служилых людей», которое по тем или иным причинам не было зачислено при Петре I в состав однодворцев [Ачмизов, 2015, с. 32]. Впоследствии «старых служб служилые люди» войдут в число однодворцев, а последние – в состав государственных крестьян [Дружинин, 1946, с. 50]. Таким образом, употребляемые в ходе исследования такие словосочетания, как «потомки служилых людей», «однодворческое население», «городские однодворцы», «однодворческое общество», «потомки детей боярских», «потомки служилых по отечеству», будут использоваться синонимами к термину «однодворец» в качестве сословия XVIII – пер. пол. XIX веков.

Относительно географических рамок данной статьи отметим следующее. За её основу мы возьмём разнообразный исторический материал по Курскому краю, который в течение всего исследования будем сопоставлять с аналогичными процессами во всём ЦЧ. Если быть точнее, то границы этой области мы олицетворяем, помимо Курской, ещё с Орловской, Тамбовской и Воронежской губерниями в пределах территориально-административного деления нач. XIX века.

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при обозначении общих урбанизационных процессов в разные временные отрезки; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (различные виды движения однодворцев в городах ЦЧ) в широкий исторический контекст.

Для рассмотрения динамики особенностей притока потомков служилых людей в города мы использовали традиционные методы историографического исследования: историко-сравнительный, историко-типологический и историко-генетический. Статистический

метод наблюдения позволил выявить роль тех однодворцев в общем урбанизационном движении ЦЧ. Картографический метод исследования помог сопоставить в изучаемой нами местности территориально-административное деление XVI–XVII вв. с XIX веком. Соединение общих и уникальных явлений предоставило возможность выявить особенности демографической подвижности однодворцев в городах ЦЧ.

В своей совокупности весь применённый нами комплекс методов позволяет получить достоверные результаты исследования.

Результаты и их обсуждение

Во время борьбы Московского государства с Крымским ханством, учитывая постоянно висевшую опасность набегов кочевников, правительство осознавало, что «один в поле не воин». Для этого противостояния на заселяемых местностях требовались военные центры, вокруг которых можно было бы систематизировать все население в целях его же защиты. В целом строительство городов сыграло немалую роль в исполнении задач заселения прежде пустынной местности ЦЧ. Во-первых, они являлись оплотами защиты населения [Попова, 1886, с. 284]. Во-вторых, хозяйственным средоточием экономического освоения региона [Миклашевский, 1894, с. 64]. В-третьих, духовными центрами [Пономарева, 1999, с. 144]. В-четвёртых, очагами расселения по близлежащей местности и тем речным системам, на которых стояли эти города-крепости [Кудланов, 2022, с. 13].

Правильную организацию уезда можно рассмотреть на примере основания г. Козлова в 1635 году. Сначала определялось место для города, а затем – для сельских поселений. Только после одобрения государя начиналось само строительство крепости, сел и деревень [Алферова]. Основным правилом заселения новых крепостей было сосредоточение населения вблизи них в слободах и обязательное устройство жителями дворов внутри города на случай осадного времени [Новосельский, 1948, с. 408]. Следовательно, правительством предполагался всеобъемлющий приток в крепости всех жителей уезда в нужное время. Однако, на наш взгляд, в случае внезапной опасности все сельские обитатели уезда вряд ли могли успеть прийти в город. Несмотря на это, подобные постановления регулярно предписывались. Например, в декабре 1631 г. всем ливенским служилым людям на случай осадного времени предписывалось «в городе и в остроге на порозжих местех поставить избы и клети тотчас, велеть им держать хлебные и всякие запасы и рухлядь всякую» [Неделин, 2012, с. 273]. В условиях же мирного времени это правило забывалось и не соблюдалось. После чего многие жители расселялись по территории уезда, выбирая себе места, более удобные для хозяйственной деятельности.

Переломным моментом в характере притока однодворцев в города оказали Петровские войны и реформы [Шапиро, 1940, с. 52–53]. Для ЦЧ этот период совпадает ещё с замирением края, только после которого стало возможным полноценное вхождение региона в естественную экономическую жизнь государства, правда, с провинциальным оттенком. Стимулирование развития ремесла и возникновения мануфактур [Лаппо, 1975] вело к общественному разделению труда, которое способствовало росту внутреннего рынка. Последний, в свою очередь, стал определять спрос на продукты и их цену. Хлеб на внутреннем рынке становился всё более и более частым и ценным товаром [Греков, 1952, с. 6–7]. Это увеличивало товарно-денежные отношения в деревне и способствовало дальнейшему отделению промышленности от сельского хозяйства [Лаппо, 1975]. В этих условиях однодворцам приходилось чаще передвигаться с места на место, переезжать из губернии в губернию, переселяться для торговли и промыслов в города – уездные, губернские и даже столичные [Дружинин, 1946, с. 81–82]. Всё перечисленное мы можем наблюдать на протяжении последующего изучаемого нами периода после нач. XVIII века. Главное различие между двумя означенными эпохами для ЦЧ состояло в том, что из очагов расселения города преобразовались в торгово-промышленные центры, куда стекались потомки служилых людей уже по экономическим соображениям.

Для осмысления, написанного выше, немаловажным будет соотнести однодворческие и общие урбанизационные процессы ЦЧ в изучаемом нами периоде. Источниковая база, позволяющая произвести количественные измерения миграционного движения именно однодворцев, невелика по причине предпочтительного для многих статистиков включения численности этого сословия в состав государственных крестьян. Во всей своей силе указанный процесс проявился в пер. пол. XIX века. В этой связи данные из опубликованного источника «Труды Курского губернского статистического комитета за 1863» отражают именно всех государственных крестьян [Труды ..., 1863, с. 170–182]. Сопоставление численности однодворцев, проживающих в городах Курского края между 1795 и 1816 гг., мы обнаружили в черновиках Ф.И. Лаппо, которые он сдал на хранение в Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Они, в свою очередь, отражают показатели Генеральных табелей 5 и 7 ревизских сказок³⁶. Представляет ценность для исследования и «Описание Курского наместничества ...» С.В. Ларионова, в котором мы обнаружили численность городских однодворцев на момент 4-й ревизии в 1782 году. На основе упомянутых выше источников и нескольких опубликованных исследований мы составили таблицу 1, которую мы разместили ниже. Обратимся к её рассмотрению.

Таблица 1

Общий урбанизационный прирост населения в соотношении с увеличением численности городских однодворцев Курского края 1626–1860 гг. [Загоровский, 1969, с. 82; Папков, 2004, с. 227; Ларионов, 1786, с. 38–158; Труды ..., 1863, с. 170–182]³⁷.

General urbanization growth of the population in relation to the increase in the number of urban one-palaces of the Kursk Territory in 1626–1860 [Zagorovsky, 1969, p. 82; Papkov, 2004, p. 227; Larionov, 1786, p. 38–158; Proceedings ..., 1863, p. 170–182]

Год	1626/ 1643	1782			1795		1816			1860			
		Служилых людей по прибору	Однодворцев в городе	Городское население	% однодв. от всех горожан	Разница с 4 рев.	Однодворцев в городе	Разница между 1816 и 1795 гг.	Однодворцев в городе	% однодв. от всех горожан	Разница между 1860 и 1816 гг.	Гос. крестьян в городе	Всех горожан
Курск	538	222	6 006	3, 70	- 271	1 950	244	2 194	18	-1 321	873	18 016	
Белгород	276	536	3 462	15, 48	- 55	481	29	510	11, 8	-75	435	5 978	7,3
Хотмыжск / Грайворон	160	394	512	76, 95	0	0	1 100	1 100	61, 9	-	?	?	-
Богатый Мирополье	/	-	-	-	633	1 027	-1 027	-	-/-	-	-/-	391/497	-
Дмитриев	-	0	200	0	0	0	8	8	0, 6	52	60	1 168	5,1
Короча	236	382	3 835	9, 96	233	914	794	1 708	24, 5	-1 485	223	3 122	-
Льгов	-	0	236	0	28	28	22	50	5, 2	17	67	1 658	4
Обоянь	-	957	2 169	44, 12	61	1 018	298	1 316	36, 1	-1 293	23	3 189	-
Новый Оскол	-	1 251	1 387	90, 19	102	1 348	257	1 605	72, 5	-1 596	9	355	2,5
Старый Оскол	272	2 182	2 529	86, 28	- 76	2 106	-1 711	395	13, 2	-280	115	3 750	3,1
Путивль	-	1 888	3 996	47, 28	- 530	1 357	353	1 710	58, 9	-767	943	3 338	28,2
Рыльск	-	557	2 232	24, 95	- 197	352	23	375	12, 6	292	667	4 400	-
Суджа	-	53	2 839	1, 87	- 15	38	46	84	6, 2	203	287	2 298	12,5
Тим	-	786	935	84, 06	105	1 401	214	1 615	66, 1	-	?	?	-
Фатеж	-	334	394	84, 77	- 17	255	70	325	16, 4	-267	58	2 406	2,4
Щигры	-	1 298	1 412	91, 93	48	835	168	1 003	44, 6	-	-	2 409	-
Всего	-	10 840	32 144	33, 72	49	10142	888	13 998	18	-6 520	3760	23 360	-

³⁶ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 85. Л. 240–242.

³⁷ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 85. Л. 240–242.

Итак, сначала отметим, что в графе «Служилые люди по прибору» мы указали общее кол-во дворов казаков, стрельцов, пушкарей, затинщиков и воротников. Если их численность не указана, это означает, что точными данными по тем городам мы не обладаем. В целом между XVII и XVIII вв. в численности однодворцев по известным нам 5 городам прослеживался повсеместный прирост, кроме г. Курска. На наш взгляд, это вызвано крупным пожаром, который в августе 1781 г. уничтожил практически весь центр упомянутого города [Кудланов, 2017, с. 134]. К 1795 г. численность однодворцев губернского центра уже нормализовалась.

В 1782 г. в Хотмыжске, Новом Осколе, Старом Осколе, Тиме, Фатеже и Щиграх однодворцы составляли более 75 %. Больше 44 % их доля прослеживалась в Обояни и Путивле. Важно отметить, что наличие однодворческих городов в Курском крае не было каким-то исключением, т. к. в ЦЧ такое встречалось повсюду, например, в Тамбовском крае (Усмань [Проторчина, 1954, с. 39], Козлов, Гвазды и др.), в Воронежском (Коротояк, Землянк, Нижне-Девицк и др.), а также в ряде упразднённых городов, из бывших крепостей [Кудланов, 2022, с. 152].

Между 1782 и 1795 гг. значительный приток при расселении прослеживался только в губернном городе. Однако там же, как и в большинстве уездных центров, прослеживалась убыль однодворческого населения. Общий прирост мы наблюдаем только в 5 городах из 11, по которым мы обладаем точными сведениями, да и то города Богатый, Тим и Щигры являлись недавно образованными, произошедшими от однодворческих сёл. Из старых же городских конгломераций незначительный прирост потомков служилых людей прослеживался только в Короче и Новом Осколе. Главную роль в этой прибыли, видимо, играл естественный прирост, а весомую причину убыли составляли выселения и межсословная мобильность однодворцев, являвшихся основным социальным донором в городах для мещанства и купечества³⁸.

Согласно таблице, размещённой в Приложении, нужно отметить, что дальнейшая тенденция протекала в пользу сокращения общей доли однодворцев в городской среде Курского края. Между 1795 и 1816 гг. незначительное увеличение общей доли однодворцев мы наблюдаем в Дмитриеве, Льгове, Судже, Путивле. Ощутимый же прирост, скорее всего, вызванный притоком потомков служилых людей, наблюдался в губернном центре (с 3,7 до 18 %) и Короче (9,9 до 24,5 %). Хуторская система Путивля относилась к пригородной слободе [Кудланов, 2022, с. 36–43], поэтому там за счёт расселения по недавно образованной территориальной единице прослеживался общий прирост. В Дмитриеве, Льгов и Суджу однодворцы, скорее всего, стекались для промысла. В остальных 9 городах Курского края прослеживался спад доли однодворцев среди горожан между 5 и 7 ревизиями. В некоторых из них, как в Старом Осколе, уменьшение было колоссальным (с 86,3 до 13,2 %), в Щиграх – в два раза меньше (с 91,9 до 44,6 %). На наш взгляд, в Старом Осколе произошло выселение из города и расселение в сельскую местность уезда, а вот в недавно образованных Щиграх просто увеличивалось общее кол-во горожан вместе с естественным приростом потомков служилых людей. Подобный процесс, только в меньших масштабах, протекал и в остальных однодворческих городах: Белгороде, Обояни, Новом Осколе, Рыльске, Тиме и Фатеже.

При сравнении же численности городских однодворцев между 1782–1795–1816–1860 гг. повсюду получается тенденция к уменьшению, ощутимо улучшающаяся лишь между 1795 и 1816 годами. Так, между 1782 и 1795 гг. пропорция убыли однодворцев в городах к прибыли прослеживалась 7 к 7, между 1795 и 1816 гг. – 2 к 14, а между 1816 и 1858 гг. – 8 к 4. Удивительно, но неприкращающийся прирост городских однодворцев протекал только в западных уездных центрах губернии (Дмитриеве, Льгове, Судже и Рыльске). В первых трёх их число было ничтожно мало, что свидетельствует о прибытии

³⁸ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 348. Л. 440.

занимавшихся промыслами. В торгово-промышленный центр Рыльск приток однодворцев прослеживался по той же причине, учитывая их массовую вовлечённость в развитый там косный промысел [Апанасёнок, 2014, с. 225]. Во всех же тех городах, где в XVII в. насчитывалось много потомков служилых людей, везде прослеживалась их повсеместная убыль. И главное, что она протекала на фоне общего увеличения численности всех городов, кроме Нового Оскола, Путивля, Корочи, Суджи. Там, видимо, протекал всеобщий переход крепостей на торгово-промышленный лад, так как первые два являлись местом обитания однодворцев, а последние – войсковых обывателей. В целом же городское население между 1782 и 1860 гг. увеличилось на 20 741 душу.

На наш взгляд, процесс уменьшения роли однодворческого населения в городах, где доминирующим сословием являлись потомки служилых людей, в своём основании имеет ряд причин. Первая крылась в незначительном притоке однодворцев в города из-за ряда бюрократических трудностей, а именно в податной системе, учреждённой при Петре I. Переселяясь в города, однодворцы обязывались представлять удостоверения о том, что они «приобвыкли к промыслу» и имеют в месте притока обзаведение, а также одобрены домохозяевами города в своей благонадёжности. Если переселение влекло за собой раздробление семейства, то оно запрещалось. У родных обществ однодворцам требовалось получение согласия и свидетельство о том, что средства для пропитания остающихся в деревне обеспечены и их земля «не останется впусе». К тому же от переселяющихся однодворцев требовалось внесение трёхгодичной подати или её залога [Дружинин, 1946, с. 82–83]. Таким образом, Петровское правительство создавало, с одной стороны, предпосылки для нового вовлечения крестьян в города, в ремесло, на мануфактуру и на строительства, а с другой стороны, оно же и тормозило это вовлечение. Единственный законный канал, по которому могли направляться сельское население в города, были отходы [Шапиро, 1940, с. 52–53].

На примере пришедших однодворцев в г. Курск между 2 и 3 рев. Ф.И. Лаппо замечал, что все лица, вновь поселившиеся в слободах, не сразу записывались в однодворческое общество, а лишь во время ревизий. Например, основная масса тех, чьё принятие оформили в 1762 г., фактически проживала в Курске, по их словам, «лет 15», т. е. с 1747 года. Несомненно, что не все желающие принимались в общество городских слобод, а лишь те, кто имел средства на покупку дома или возможность породниться со слобожанами путём женитьбы на вдовах и дочерях однодворцев [Лаппо, 1975]. Имелась и такая категория счастливчиков, кому правительство в пригородных селах и слободах предоставляло даже земельные угодья. Такое явление мы наблюдаем в декабре 1791 г. в пригородах г. Воронежа³⁹. Встречались и массовые переселения односельчан в городскую местность. Например, из с. Хреновца между 1782 и 1795 гг. выселилось 9 душ в Казацкую слободу г. Курска, где их положили в однодворческий оклад⁴⁰. Альтернатива официальному переезду состояла в постоянном проживании в городе без оформления. Известно, что кроме лиц, приписанных в слободах г. Курска, в 1782 г. было зарегистрировано 128 душ, записавшихся по 4-й ревизии в своих селениях, но фактически живших в Курске. В 1795 г. численность подобной категории составляла 216 человек [Лаппо, 1975]. Не всегда их участь была завидной. Например, однодворец, занимавшийся ломовым извозом, не записавшийся в слободах, всё же обычно перевозил свою семью в город. Однако сам он жил у рядчика, а его жена поступала куда-нибудь в кухарки или няньки. Так и коротали весь век, видясь между собою только по временам, урывками, в праздники и воскресные дни [Добротворский, 1885, с. 106].

В кон. 20-х и нач. 30-х гг. XIX в. произошло падение бюрократических стеснений для переселений однодворцев в городские конгломерации. Отныне такие переезды допускались, и сельским потомкам служилых людей разрешалось иметь в городах недвижимую собственность. Правительство признавало, что это «будет полезно, сколько для однодворцев, пред-

³⁹ ГАВО. Ф. И 245. Оп. 1. Д. 17. Л. 201.

⁴⁰ ГАКО. Ф. Р 30. Оп. 1. Д. 179. Л. 145.

ставляя им новые возможности к выгодному употреблению их собственности и к расширению круга их промышленности, столько и для городов, наипаче уездных, которых благосостояние может улучшиться умножением народонаселения и облегчением жителей в исправлении повинностей». Теперь в месте водворения им нужно было только одобрение от домохозяев города в их благонадежности, а в месте выхода – получение согласия общества. К тому же вместо трёхлетней подати им разрешалось ограничиться лишь годичной [Дружинин, 1946, с. 82–83]. Кстати, это упрощение касалось всех категорий государственных крестьян.

Другие внутренние причины были вызваны земледельческим и отчасти аристократическим менталитетом значительной части потомков служилых людей. Начнём с первого вида мышления. Обусловленная многими традициями крестьянский образ жизни не позволял однодворцам окончательно расстаться со своим хозяйством и уйти на промышленное производство. Тяжёлая земледельческая работа, вызванная примитивной техникой, была тягостна. Из-за этого все, кто мог позволить жить, не утруждаясь, сделали бы так, даже за счёт снижения уровня благосостояния. Но ощущение себя хозяином, собственником, отличавшее однодворца от помещичьего крестьянина, не позволяло уйти от суровой жизни земледельца и искать стабильного заработка в более комфортных городских условиях обитания. К тому же в губерниях ЦЧ было совсем немного промышленных предприятий [Иванова-Малофеева, 2005, с. 72]. Таким образом, уходили только однодворцы с безвыходным положением, и то у них была альтернатива переселения в сельскую местность других уездов и губерний. Причём потомки служилых людей пользовались этой возможностью более остальных.

Вторая разновидность ментальности, препятствующей однодворцам стечению в города, особенно относилась к потомкам детей боярских. Ведь они имели старинную родовую гордость от сознания того, что в них течёт «дворянская кровь» [Зеленин, 1913, с. 66]. Для них занятие торговлей и промыслом являлось второсортным уподоблением служилым «по прибору» людям и тем более посадским. Этот склад ума сформировался до конца XVII века. Например, крупный специалист по XVII в., д-р ист. наук В.П. Загоровский так и не обнаружил информацию, подтверждающую участие служилых людей в городской торговле [Загоровский, 1969, с. 32–34]. Наниматься в наёмные работники же для таких потомков служилых по отечеству людей совсем считалось унижительным. По свидетельству специалиста по однодворческому менталитету Д.К. Зеленина, они готовы на разную работу, которая им кажется «благороднее» экономической службы, лишь бы не наниматься в батраки [Зеленин, 1913, с. 66].

Другое дело – потомки служилых людей по прибору, которые достаточно часто участвовали в торговле. К концу первой четверти XVIII в. крепости ЦЧ окончательно утратили своё военное значение, и главным занятием проживавших там однодворцев стала не «государева служба», а ремесло и торговля [Неделин, 2012, с. 298]. Данные процессы вытекали напрямую из исторических реалий, т. к. у представителей изучаемого нами сословия имелся к этому определённый навык. Ведь служилые люди по прибору, кроме части городских казаков, даже в период борьбы с Крымским ханством обычно не имели возможности существовать с семьями на земельные дачи или на получаемое из казны денежное и хлебное жалование. Поэтому специалист по однодворцам М.Г. Рабинович заявлял, что, если их служба протекала не в пограничных районах и не была связана с постоянными посылками и командировками, большинство служилых «по прибору» людей обычно занимались торговлей, ремёслами и всякого рода промыслами [Рабинович, 1953, с. 96]. Тем более они не несли тягла и были избавлены от всякого рода поборов и повинностей. Кстати, эти существенные привилегии позволяли им успешно конкурировать в торговле и промыслах с разными категориями посадских людей. В остальном их положение мало чем отличалось от средних и низших слоёв посада [Рабинович, 1953, с. 97], что их сближало и предоставляло возможность к переходу в городские сословия после замирения края. И действительно, по свидетельству В.П. Загоровского, как раз служилые по прибору люди, особенно в первой половине XVIII в., являлись одним из источников как

для зарождающейся предпринимательского слоя [Загоровский, 1969, с. 32–34], так и переселенцев в городскую местность в последующее время.

Правительство это осознавало, поэтому в 1723 г. было решено старых служб служилых людей, не имеющих земель и кормящихся торгом или каким-либо мастерством, писать в посады: торгующих – в купечество, а мастеровых – в цехи [Семевский, 1908, с. 803]. Этот процесс рекрутирования в городские сословия из однодворческой среды активно протекал не только на протяжении XVIII века. Так, в начале XIX в. очередное подобное постановление предписывало причислить к мещанам жителей слобод, неимевших навыков в сельскохозяйственном труде, а занимавшихся «большою частию упражнениями, городским жителям свойственными» [Лаппо, 1975]. Подобное явление перехода однодворцев в купечество и мещанство протекало не только массово, но и в частном порядке. Таким образом, можно с уверенностью заявить, что убыль городских однодворцев зачастую была вызвана их переходом в другие сословия. К этому же фактору присовокуплялись остальные причины убыли: смертность, ландмилицкая и рекрутская повинности, бегство и пропажа без вести, ссылка, переселение в разные уезды и губернии, а также переход в другие сословия, помимо городских. При этом главное, что все перечисленные факторы убыли компенсировались только естественным приростом и незначительным притоком потомков служилых людей в город, т. к. остальные статьи прибыли однодворческого населения были скудны.

Заключение

Подводя итог данной статьи, отметим следующее. Во время урбанизационных процессов XVIII–XIX вв. мы наблюдаем наибольшее смешивание как служилых людей по прибору и по отчеству в рамках однодворческого сословия, так и всего этого разряда среди других. Так, экономическая составляющая наизнанку переворачивала сословную иерархию XVII века. Это отражалось как на взаимовлиянии этих составных частей однодворцев, так и на их общем изменении стереотипов поведения.

Однако сословное мышление быстро не преобразовывалось. До конца XVII в. проживание в городской местности не было престижным, и родовитые дети боярские там обитать не хотели. Их стремления были обращены на поместья в сельской местности. Поэтому после наблюдавшегося до конца XVII в. принудительного сведения в крепости ЦЧ однодворцы, подражавшие боярским детям, добровольно расселялись от их городских очагов в XVIII веке. Этот фактор обуславливал доминирование оттока над притоком в города потомков служилых людей.

В нач. XVIII в. выявились предпосылки для смены социально-экономической формации определившие стечение предприимчивых однодворцев в городские конгломерации. Мирное время и приоритет экономики для ЦЧ во главе урбанизационных процессов однодворцев установили принцип их личного желания, вписывавшегося в канву исторического движения. Уже с нач. XVIII в. начинают явно проследиваться правовой приоритет городских сословий и следовавшее за ним к XIX в. их ментальное доминирование. Последнее явление тогда ещё не носило определяющего характера. Правовой же приоритет отражался на массовом переходе однодворцев в городские сословия, начавшие считаться более привилегированными. Следовательно, стекающиеся в города предприимчивые потомки служилых людей в большинстве своём не оставались в составе однодворцев, обеспечивая очередную статью убыли в среде последних.

Главное различие между двумя означенными урбанизационными эпохами для ЦЧ состояло в том, что из очагов расселения города преобразовались в торгово-промышленные центры. В первом периоде проследивается повсеместный рост служилых людей в городах ЦЧ, а во втором – убыль городских однодворцев на фоне общего урбанизационного прироста. На это явление влиял ряд факторов. Во-первых, бюрократические сложности при переходе однодворцев в города, вызванные податной системой Петра I, упрощившейся лишь в

кон. 20-х и нач. 30-х гг. XIX века. Во-вторых, традиционный сельскохозяйственный менталитет и следовавший за ним отток потомков служилых людей из городских конгломераций. В-третьих, массовый переход однодворцев в торгово-промышленные сословия. В-четвёртых, тем, что совокупность причин убыли городских потомков служилых людей компенсировались только их высоким естественным приростом и незначительным притоком в город. Остальные же статьи прибыли однодворцев были малы.

Главная роль влияния урбанизационных процессов состояла в том, что после замирения края в городах требовались предприимчивые люди, а до него – отважные и воинственные. Однако если предприимчивые редко оставались в однодворческой среде, то последние – в своём большинстве. На озвученное в конце явление значительное влияние имели правительственные меры охранения сословных привилегий. Рост же товарно-денежных отношений, обеспечил приток в город населения, но вместе с тем нёс в себе принципы, подтачивающие сословные рамки. Кстати, всё это признаки капиталистической формации. Последняя использовала однодворцев в качестве биоматериала для разбавления котла городских сословий. На наш взгляд, именно благодаря капитализму сословие однодворцев к середине XIX в. стало архаизмом.

Список литературы

- Алферова Г.В. Государственная система строительства городов и освоение новых земель в XVI–XVII вв. (на примере г. Козлова и его уезда). URL: <https://Shapkino.ru>.
- Апанасенок А.В. 2014. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX века. Курск, РОСИ, 397 с.
- Ачмизов А.А. 2015. Государственные крестьяне в России: трансформация правового статуса, управления и сословного самоуправления (XVIII–XIX вв.) (историко-правовое исследование). Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 186 с.
- Важинский В.М. 1974. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Учебное пособие к спецкурсу для студентов исторических факультетов педагогических институтов. Воронеж: Липецк, облтипография, 237 с.
- Греков Б.Д. 1952. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века. Кн. 1. Изд. 2-е, исп. и доп. М., Из-во Академии наук СССР, 532 с.
- Дружинин Н.М. 1946. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М., Изд-во Акад. Наук СССР, 633 с.
- Добротворский Н.А. 1885. Промыслы и вземземеделческие занятия крестьян Центрального района. Курск, Тип. Губ. Зем., 228 с.
- Загоровский В.П. 1969. Белгородская черта. Дис. ... док. ист. наук. Т. 1. Воронеж, 287 с.
- Загоровский В.П. 1969. Белгородская черта. Дис. ... док. ист. наук. Т. 2. Воронеж, 250 с.
- Зеленин Д.К. 1913. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных с связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., Тип-я А.В. Орлова, 544 с.
- Иванова-Малофеева Е.Ю. 2005. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.). Тамбов, Изд-во ТГТУ, 196 с.
- Кудланов К.Б. 2017. Социально-экономическое развитие Курской губернии в первой четверти XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 296 с.
- Кудланов К.Б. 2022. Расселение однодворцев от их городских очагов на территории Центрального Черноземья в XVII–XIX вв. Региональные историко-культурные исследования. Сборник статей. Т. 2. Курск, Инвестсфера: 9–16.
- Кудланов К.Б. 2022. Особенности притока однодворцев в города Центрального Черноземья в XVII–XIX веках. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право, 12 (5): 148–158.
- Лаппо Ф.И. Курск в период разложения крепостнических отношений. (Вторая половина XVIII века). URL: <https://gorenka.org/6520/?ysclid=171g11e0pu491331639>

- Ларионов С.В. 1786. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце. М., Вольн. Тип. Пономарёва, 189 с.
- Миклашевский И.Н. 1894. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., Тип-я Д.И. Иноземцева, 310 с.
- Мизис Ю.А. 2006. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII веков. Авт. дис. ... док. ист. наук. Воронеж, 52 с.
- Неделин В.М. 2012. Древние города земли Орловской. XII–XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт. Орел, Вешние воды, 544 с.
- Новосельский А.А. 1948. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., Из-во Акад. Наук СССР, 452 с.
- Папков А.И. 2004. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, Изд-во «Константа», 352 с.
- Пономарева О.Б. 1999. Социально-экономическое и культурное развитие Белгородской губернии (1727–1779 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 241 с.
- Попова Н.А. 1886. Очер землевладения и межевания в Воронежской губернии. Воронежский сборник в память 300-летия г. Воронежа. Т. 1. Воронеж, Типолиитография Губернск. Правления: 281–330.
- Проторчина В.М. 1954. Волнения воронежских однодворцев в XVIII веке. Из истории Воронежской области. Воронеж, Воронежское книжное издательство: 39–45.
- Рабинович М.Г. 1953. Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 693 с.
- Семевский В.И. 1901. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. Спб., Тип-я М.М. Стасюлевича, 865 с.
- Труды Курского губернского статистического комитета. 1863. Вып. 1. Курск, Тип-я Губернского Правления, 585 с.
- Шапиро А.Л. 1940. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. Ученые записки. Т. V. Исторический факультет. Вып. 1. Л., ЛГПИ им. Покровского: 23–53.

References

- Alferova G.V. Gosudarstvennaya sistema stroitel'stva gorodov i osvoyeniye novykh zemel' v XVI–XVII vv. (na primere g. Kozlova i yego uyezda) [The state system of building cities and the development of new lands in the XVI–XVII centuries (on the example of the city of Kozlov and its county)]. URL: <https://Shapkino.ru> (in Russian).
- Apanasenok A.V. 2014. Religioznyy traditsionalizm v provintsial'noy Rossii: istoriya staroobryadcheskikh soobshchestv Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII – nachale XX veka [Religious traditionalism in provincial Russia: the history of the Old Believer communities of the Central Chernozem region in the XVII-th – early XX-th centuries]. Kursk, ROSI, 397 p. (in Russian).
- Achmizov A.A. 2015. Gosudarstvennye krest'yane v Rossii: transformatsiya pravovogo statusa, upravleniya i soslovnogo samoupravleniya (XVIII–XIX vv.) (istoriko-pravovoe issledovanie) [State Peasants in Russia: Transformation of Legal Status, Management and Class Self-Government (XVIII – XIX centuries) (historical and legal research)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Rostov-na-Donu, 186 p. (in Russian).
- Vazhinskiy V.M. 1974. Zemlevladieniye i skladyvaniye obshchiny odnodvorcev v XVII veke (Po materialam yuzhnykh uezdov Rossii). Uchebnoye posobie k spekkursu dlya studentov istoricheskikh fakul'tetov pedagogicheskikh institutov [Land ownership and the formation of the smallholders community in the XVII-th century (According to the materials of the southern counties of Russia). Textbook for a special course for students of Historical faculties of pedagogical institutes]. Voronezh: Lipetsk obltipografiya, 237 p. (in Russian).
- Grekov B.D. 1952. Krest'yane na Rusi s drevneyshikh vremen do XVII veka [Peasants in Russia from ancient times to the XVII-th century]. Book. 1. Ed. 2nd, isp. i dop. Moscow, Iz-vo Akademii nauk SSSR, 532 p. (in Russian).
- Druzhinin N.M. 1946. Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva [State peasants and the reform of P.D. Kiseleva]. Vol. 1. Moscow, Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 633 p. (in Russian).

- Dobrotvorskiy N.A. 1885. Promysly i vnezemledel'cheskiye zanyatiya krest'yan Tsentral'nogo rayona [Crafts and non-agricultural activities of the peasants of the Central region]. Kursk, Tip. Gub. Zem., 228 p. (in Russian).
- Zagorovskiy V.P. 1969. Belgorodskaya cherta [Belgorod line]. Dis. ... dok. ist. nauk. T. 1. Voronezh, 287 p. (in Russian).
- Zagorovskiy V.P. 1969. Belgorodskaya cherta [Belgorod line]. Dis. ... dok. ist. nauk. T. 2. Voronezh, 250 p. (in Russian).
- Zelenin D.K. 1913. Velikorusskiye govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniyem zadneneznykh soglasnykh s svyazi s techeniyami pozdneyshey velikorusskoy kolonizatsii [Great Russian dialects with inorganic and intransitive mitigation of back-palatal consonants in connection with the currents of the later russian colonization]. St. Petersburg, Tip-ya A.V. Orlova, 544 p. (in Russian).
- Ivanova-Malofeyeva Ye.YU. 2005. Reforma gosudarstvennoy derevni v Tambovskoy gubernii (seredina 30-kh – seredina 50-kh gg. XIX v.) [Reform of the state village in the Tambov province (middle-30s – middle-50s of the XIX-th century)]. Tambov, Izd-vo TGTU, 196 p.
- Kudlanov K.B. 2017. Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Kurskoy gubernii v pervoy chetverti XIX veka [Socio-economic development of the Kursk province in the first quarter of the XIX-th century]. Diss. ... kand. ist. nauk. Kursk, 296 p. (in Russian).
- Kudlanov K.B. 2022. Rasseleniye odnodvortsev ot ikh gorodskikh ochagov na territorii Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII–XIX vv. [Settlement of smallholders from their urban centers on the territory of the Central Chernozem region in the XVII-th – XIX-th centuries]. Regional'nyye istoriko-kul'turnyye issledovaniya. Sbornik statey. Kursk, Investsfera, 2: 9–16 (in Russian).
- Kudlanov K.B. 2022. Features of the influx of one-courtyard people into the cities of the Central Chernozem region in the XVII-th – XIX-th centuries. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo, 12 (5): 148–158 (in Russian).
- Lappo F.I. Kursk v period razlozheniya krepostnicheskikh otnosheniy. (Vtoraya polovina XVIII veka) [Kursk in the period of decomposition of serf relations. (Second half of the XVIII-th century)]. URL: <https://gorenka.org/6520/?ysclid=17lg1le0pu491331639> (in Russian).
- Larionov S.V. 1786. Opisaniye Kurskogo namestnichestva iz drevnikh i novykh raznykh o nem izvestiy vkrattse [Description of the Kursk governorship from ancient and new various news about it in brief]. Moscow, Vol'n. Tip. Ponomarova, 189 p. (in Russian).
- Mizis Yu.A. 2006. Formation of the Central Chernozem Market in the Second Half of the XVII-th – First Half of the XVIII-th Centuries. Avt. dis. ... dok. ist. nauk. Voronezh, 52 p. (in Russian).
- Miklashevskiy I.N. 1894. K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. Ch. 1. Zaseleniye i sel'skoye khozyaystvo yuzhnoy okrainy XVII veka [To the history of the economic life of the Moscow state. Part 1. Settlement and agriculture in the southern outskirts of the XVII century]. Moscow, Tip-ya D.I. Inozemtseva, 310 p. (in Russian).
- Nedelin V.M. 2012. Drevniye goroda zemli Orlovskoy. XII–XVIII veka. Istoriya. Arkhitektura. Zhizn' i byt [Ancient cities of the Oryol land. XII–XVIII centuries. Story. Architecture. Life and mode of life]. Orel, Veshniye vody, 544 p. (in Russian).
- Novosel'skiy A.A. 1948. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka [The struggle of the Muscovite state with the Tatars in the first half of the XVII century]. Moscow – Leningrad, Iz-vo Akad. Nauk SSSR, 452 p. (in Russian).
- Papkov A.I. 2004. Porubezh'ye Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi pospolitoy (konets XVI – pervaya polovina XVII veka) [Border of the Russian Empire and the Ukrainian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth (the end of the XVI-th – the first half of the XVII-th century)]. Belgorod, Izd-vo «Konstanta», 352 p. (in Russian).
- Ponomareva O.B. 1999. Sotsial'no-ekonomicheskoye i kul'turnoye razvitiye Belgorodskoy gubernii (1727–1779 gg.) [Socio-economic and cultural development of the Belgorod province (1727–1779)]. Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 241 p. (in Russian).
- Popova N.A. 1886. Ocher zemlevladieniya i mezhevaniya v Voronezhskoy gubernii [Essay on land ownership and land surveying in the Voronezh province]. Voronezhskiy sbornik v pamyat' 300-letiya g. Voronezha. Voronezh, Tipolitografiya Gubernsk. Pravleniya, 1: 281–330 (in Russian).

- Protorchina V.M. 1954. Volneniya voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke [Unrest of Voronezh single-court people in the XVIII-th century]. *Iz istorii Voronezhskoy oblasti. Voronezh, Voronezhskoye knizhnoye izdatel'stvo*: 39–45 (in Russian).
- Rabinovich M.G. 1953. Sud'by sluzhilykh lyudey «starykh sluzhb» v period formirovaniya regulyarnoy russkoy armii v nachale XVIII veka [The fate of the military service people of the «old military services» during the formation of the regular Russian army at the beginning of the XVIII century]. *Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow*, 693 p. (in Russian).
- Semevskiy V.I. 1901. Krest'yane v tsarstvovaniye imperatritsy Yekateriny II [Peasants in the reign of Empress Catherine II]. Vol. II. St. Petersburg, Tip-ya M.M. Stasyulevicha, 865 p. (in Russian).
- Trudy Kurskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta [Proceedings of the Kursk provincial statistical committee]. 1863. Вып. 1. Kursk, Tip-ya Gubernskogo Pravleniya, 585 p. (in Russian).
- Shapiro A.L. 1940. Krest'yanskiye otkhody i krest'yanskiy nayem v petrovskoye vremya [Peasant waste and peasant hiring in the time of Peter the Great]. *Uchenyye zapiski. T. V. Istoricheskiy fakul'tet. Leningrad, LGPI im. Pokrovskogo*, 1: 23–53. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.09.2022

Received 04.09.2022

Поступила после рецензирования 12.01.2023

Revised 12.01.2023

Принята к публикации 27.01.2023

Accepted 27.01.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кудланов Константин Борисович, кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения Российского общества историков архивистов, г. Курск, Россия

Konstantin B. Kudlanov, PhD (History), Chairman of the Youth Section of the Kursk Branch of the Russian Society of Historians of Archivists, Kursk, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9734-3178](https://orcid.org/0000-0002-9734-3178)